Дорогому Сереже
Сидоровичу
на добрую память
Е. Кононов

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

№ 2 1986

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Е. А. ХЕЛИМСКИЙ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ЧЕРЕДОВАНИЯ *r*~*z* И ДИЛЕММА «РОТАЦИЗМА-ЗЕТАЦИЗМА»

Цель данной статьи — обосновать не формулировавшееся ранее правило нейтрализации противопоставления *z* : *r* в пользу *r* в составе большинства консонантных сочетаний в древнетюркском языке, а также использовать это правило для типологической верификации различных версий о соотношении между тюркским «зетацизмом» и булгарским, монгольским и тунгусо-маньчжурским «ротацизмом».

Нет, вероятно, необходимости углубляться в историю широко известной и многократно дискутировавшейся дилеммы «ротацизма-зетацизма». В самое последнее время к ней вновь было привлечено внимание (причем не одних только тюркологов) в связи с критикой, которой А. М. Щербак подверг ностратическую теорию В. М. Иллич-Свитыча «с позиций тюрколога» [1]. В основном повторяя критическую аргументацию, выдвигавшуюся им ранее в связи с теорией алтайского языкового родства (ср. [2]), А. М. Щербак, в частности, отвергает принятую В. М. Иллич-Свитычем (вслед за Г. Рамстедтом [3] и рядом других исследователей) реконструкцию алтайских (пратюркских) **ŕ* и **l′*: «Ротацизм и ламбдаизм в чувашском языке — результат относительно позднего развития слабых (звонких) аллофонов пратюркских фонем *s (z) и *š (ž) в своеобразных фонетических условиях, которые предстоит еще уточнить. Однако независимо от этого уже сейчас мы вправе заявить, что тезис о существовании первичных алтайских (пратюркских) **ŕ* и **l′* несостоятелен» [1, с. 38]. Очевидно, ссылку на «своеобразные фонетические условия, которые предстоит еще уточнить» следует расценивать как отказ от гораздо более решительной формулировки, предлагавшейся тем же автором ранее: «z, r и s в тюркских языках восходят к одному из аллофонов пратюркского /*s/ — слабому s, выступавшему в положении после долгого гласного в односложных словах и после любого гласного в словах из двух и большего количества слогов» [2, с. 31; см. также 4, с. 56, 85—88, 161—162]. Поскольку последняя формулировка вынуждает, в частности, игнорировать такие бесспорные тюркские праформы, как jās 'ущерб' с долготой перед *s* или köz 'глаз' с краткостью перед *z* (ср. [5, с. 337; 6, с. 99; 7, с. 55—56]), в отказе от нее с А. М. Щербаком следует всецело согласиться. Однако без точного указания фонетической позиции вся гипотеза об аллофоническом соотношении *s* и *z* (чуваш. *r*), *š* и *ž* (чуваш. *l*) повисает в воздухе. К вопросу о ее типологическом правдоподобии и объяснительной силе мы вернемся после анализа фактов, относящихся к древнетюркскому чередованию *r*~*z* (в значительной мере сохраненному и современными тюркскими языками).

Данное чередование отмечалось уже давно (ср. [8, с. 93—96]), однако только представительный материал, собранный Т. Текином [7; 9; 10] и Р. Г. Ахметьяновым [11, с. 61 и сл.], позволяет убедиться, что перед нами не результат дублетного словообразования и не спорадическое вкрапление булгарских языковых особенностей в древнетюркском и его потомках (ср. [4, с. 87—88]), а явление, которое имеет регулярный характер и чисто фонетическую природу. Поскольку в имеющихся публикациях случаи с чередованием *r*~*z* не систематизированы вообще или сгруппированы так, что ведущие принципы этого чередования остаются затемненными, мы начнем с выделения наиболее обширной и однородной группы случаев, в которых *z* представлен в ауслаутной и интервокальной позициях, реже — в качестве варианта — в составе консонантного сочетания, а *r* — в тех же основах т о л ь к о в составе консонантного сочетания.

(1) AT[1] boγuz, boγaz 'горло, глотка'~AT boγurdaq, boqurdaq 'горло, гортань', башк. boγarδaq 'дыхательное горло, трахея', ног. boγïrdaq 'горло', тур. диал. boğurtlak 'гортань'; AT boγrul '(животное) с белой шеей' [7, с. 59]. Этот пример Т. Текина хорошо демонстрирует слабости той этимологической традиции в тюркологии, которая не признавала чередования *z*~*r*. Так, Дж. Клосон рассматривает формы boγurdaq, boqurdaq 'горло, гортань' в тюркско-арабских глоссариях XIV—XV веков как «вторичные или, скорее, ошибочные», заменяющие якобы правильную форму boγazdaq (засвидетельствована только у Ибн Муханны) [13, с. 319]. Его предположение об ошибке еще может быть приемлемо, если имеются в виду глоссарии (с учетом сходства арабских ر *rā* и ز *zай*), но, конечно, не объясняет наличия *r* в современных тюркских диалектах в этом слове. Boγrul у Дж. Клосона вообще оторвано от boγuz — для его этимологизации вводится незасвидетельствованный каузатив *boγur- к boγ- 'душить, сдавливать', что, естественно, вызывает семантические сложности [13, с. 318]. Неясным остается соотношение между boγuz и и boγurdaq, boğurtlak у М. Рясянена [14, с. 78] и в словаре Э. В. Севортяна [15, с. 184].

2) AT īz 'след'~AT irtä- 'искать', irdä- 'искать, стремиться', якут. irdä:- 'искать, выискивать, выслеживать (зверя по следу), расследовать' и, наряду с этим, AT izdä- 'идти по следу, следовать', istä- 'искать, желать' (Махмуд Кашгарский характеризует irtä- и istä - как синонимы), чаг. iste- 'стараться; идти, следовать, преследовать' (чередование *z*/*s* определяется звонкостью/глухостью суффиксального согласного) [7, с. 60; 13, с. 208, 243; 14, с. 173, 175; 16, с. 383—385, 646].

3) AT javïz, jabïz, javuz, jafuz 'плохой, слабый, ничтожный, скверный, злой'~AT javrï-, javru- 'ослабевать, обессиливать', javrït-, jabrït- 'ослаблять, истощать; порочить, хулить' [7, с. 65]. Из всех дериватов от основы *jav- (см. [13, с. 879; 14, с. 176]) указанные глаголы могут быть соотнесены семантически и словообразовательно только с javïz.

(4) AT käz 'зарубка на стреле, через которую проходит тетива', тур. диал. gez 'насечка, зарубка, надрез'; сюда же, несомненно, относится куман. -kez '(столько-то) раз' (у М. Рясянена дано отдельной статьей [14, с. 260]; к семантике ср. русск. *раз,* первоначально 'удар, надрез'); каз. кирг. kezen- 'целиться'~AT kärt- 'надрезать, делать метку' [10, с. 126; 17, с. 11—12]. Объяснение kärt- как деривата затрудняет или даже исключает реконструкцию ностр. *kerṭʌ 'резать', предлагавшуюся

[1] Этим сокращением обозначаются архаические диалекты (древне- и среднетюркские) по данным «Древнетюркского словаря» [12] и Дж. Клосона [13].

В. М. Иллич-Свитычем в предварительном порядке [18, с. 361], но впоследствии не включенную в «Опыт сравнения ностратических языков» [19].

(5) AT köküz, kögüz 'грудь'~чаг. kökrek то же, тат. башк. kükräk, таранчи kökürdaš 'молочный брат' (к словообразовательной модели ср. AT qarïndaš 'брат (единоутробный)' от qarïn 'живот') [4, с. 87; 7, с. 60; 13, с. 712; 14, с. 287, 288; 17, с. 54—55]. Допустимо считать, что с этим же словом связано и AT kökürčkän, kökürčkün, kögürčkän 'голубь', если сближение с kö:k 'голубой', отразившееся на фонетическом облике этого орнитонима в современных языках [17, с. 55—59], носит вторичный (народно-этимологический) характер.

(6) AT qï:z 'девушка; дочь; невольница, наложница'~AT qïrqïn 'невольница, наложница', qï:z qïrqïn парн. 'невольницы, наложницы,' кирг. kïz kïrkïn 'девушки, девчата, дочери', AT qïrnaq 'невольница, молодая рабыня', туркм. gïrnaq 'рабыня', см. [7, с. 62; 13, с. 654, 661, 679—680; 14, с. 267, 269]. Предложенное Т. Текином объяснение qïrqïn и qïrnaq как нормальных дериватов от qï:z (ср. AT qaδïn qaδnaγun парн. 'тесть и свекор, сваты; зятья, шурины, деверья' от qaδïn 'тесть; зять, шурин, деверь'; тур. bacanak, bacınak 'свояк' при туркм. bāǯa то же) устраняет существовавшие этимологические неясности. Так, Дж. Клосон колебался между соотнесением qïrnaq с qï:z и его трактовкой как искаженного араб. ǧurnūq 'юноша или девушка приятной наружности' [13, с. 661] — естественно, эти колебания однозначно решаются в пользу тюркской этимологии слова. В трактовке Г. В. Юсупова тат. qïz qïrqïn являло собой «самый выразительный пример пережитка бытования ротацизма в татарском языке, наследования его булгарскому языку» [20, с. 78].

(7) AT qïz- 'краснеть, пламенеть, багроветь; разъяриться', qïzïl 'красный'~AT qïrγu наряду с qïzγu 'розовый, румяный' (обе формы встречаются в одном и том же памятнике Qutadγu bilig), qïrγaq 'гнев, немилость правителя, опала' наряду с qïzγa- 'ругать, бранить, клясть', хак. χïrt 'ненависть, злое чувство' [7, с. 62]. Дж. Клосон при анализе данной группы слов вынужден прибегнуть к конъектурам — qïrγa- вместо qïzγa- (оговорена, см. [13, с. 655]) и, видимо, qïzγu вместо qïrγu (не оговорена, см. [13, с. 681]—ср. [12, с. 446]).

(8) AT sämiz 'жирный, тучный, упитанный'~AT sämri- 'жиреть, полнеть' [4, с. 87; 7, с. 63]. Ср. затруднения при этимологическом и словообразовательном анализе этой пары слов в [13, с. 830; 14, с. 409].

(9) AT süz- 'очищать, процеживать', süzük 'чистый, прозрачный'~AT sürmä 'вино' и, наряду с этим, AT süzmä 'вид творога', чаг. süzme 'прозрачное чистое вино'. Дж. Клосон [13, с. 864] и М. Рясянен [14, с. 438—439] форму sürmä вообще не рассматривают.

(10) AT täz- 'бежать, убегать', täzig 'быстрый, расторопный'~AT tärk 'быстро, скоро', tärkin то же, tärklä- 'торопить, ускорять', куман. terče 'быстро' [7, с. 64].

(11) AT tiz- 'ставить в ряд, нанизывать', tizig 'ожерелье', tizim 'ряд, вереница'~AT tirkiš: arqïš tirkiš парн. 'караван' (в орхоно-енисейской надписи Кюль-Тегина, где возможно также чтение terkiš, условно принятое в [12, с. 555]), туркм. tirkiš 'вереница, цепь, ряд' [9, с. 277; 13, с. 545].

(12) AT tuvuz 'крупный'~AT tuvra- 'увеличиваться в размерах, разрастаться' [7, с. 65]. Дж. Клосон для объяснения этой пары слов предлагает чтение tovur вместо tovuz (=tuvuz) [13, с. 444]. М. Рясянен, напротив, цитирует вместо tuvra- форму tuvza-, вероятно, конъектурную [14, с. 502]. Обе эти конъектуры являются равно излишними.

Эту серию примеров с максимальной степенью достоверности можно

пополнить многими десятками случаев, в которых налицо то же соотношение морфонологических альтернантов основы с *z* и с *r*, но показательность которых отчасти снижается или из-за отсутствия архаических тюркских данных, или из-за принципиальной допустимости иных (пусть даже менее удачных) этимологических решений. Вот некоторые из них.

(13) AT boz 'серый'~кирг. borbaš 'большой серый сорокопут', borčun 'серая утка (дикая)', чаг. borčïn 'серая утка', тур. диал. bortaq 'вид дикой утки' (при каз. bozdaq tüö 'серый верблюд') [7, с. 59]. Вопреки Т. Текину, сюда вряд ли можно относить тур. диал. boran 'дикий голубь'.

(14) AT ekiz, egiz, ikiz, ikkiz, jikiz 'пара, близнецы' (ср. eki, iki, ikki, jeki 'два')~AT jegirmi, jigirmi, egirmi 'двадцать' [11, с. 66; 21, с. 214]. Явно неудачной представляется попытка вывести jegirmi из тохар. A wiki, B ikäm (и.-е. *uikmti) 'двадцать' [22, с. 504]—при этом остается без объяснения *-r-* (ср. также чуваш. širĕm!). По-видимому, не исключена и прямая связь между ekiz и AT ikirčgü 'сомнение', ср. еще ägri 'кривой, неровный, изогнутый; лживый, ложный, неправильный', также эпитет неясного значения к tävä 'верблюд' (может быть, 'двугорбый'?), обычно этимологизирующееся от ägir- 'окружать, обходить; прясть, сучить' [13, с. 112, 115; 14, с. 37—38] (в конечном счете все эти слова, по-видимому, этимологически связаны — ср. и.-е. *duō 'два' и его дериваты типа лат. dubium 'сомнение', англ. twist 'крутить, сучить, изгибать, искажать, обманывать'). Проблематичным, однако, в любом случае остается отождествление суффиксального *-z-* в ekiz и суффиксального *-r-* в остальных перечисленных формах.

(15) Шор. (Радлов) äzä 'прежде', саг. койб. (Радлов) ezä 'прежде, теперь'~*erki 'старый' (тув. ergi, хак. irgï, ж.-уйг. erke и т. д.) наряду с AT eski 'старый'; сюда же, вероятно, относится AT ertä 'рано, утром' [11, с. 66; 14, с. 49; 16, с. 303—304]. Показательность данной этимологии снижается тем, что, с одной стороны, в AT источниках не засвидетельствован вариант erki 'старый', а с другой — предполагаемый корневой элемент ez (откуда äzä, erki, eski, ertä) в «чистом» виде тюркским языкам неизвестен—более того, существует ряд этимологических версий, предполагающих полное или частичное этимологическое размежевание перечисленных слов, см., например [14, с. 50; 16, с. 302—304, 306—308; 23, с. 66; 24, с. 182].

(16) AT julduz 'звезда'~AT juldruq, joldruq, jaldruq 'блестящий, сверкающий' [7, с. 65].

(17) AT qaδïz 'кора дерева'~AT qaδïrγaq 'мозоль, волдырь', тат. qajrï (*qaδrï) 'кора дерева', якут. χatïrïk (*qaδrïq?) то же [11, с. 66]. Этому сопоставлению Р. Г. Ахметьянова противостоят менее убедительные этимологические решения в [13, с. 606] (qaδïrγaq от qaδïr- 'отворачивать') и [14, с. 218].

(18) AT qïz 'скупой, жадный', кирг. kïzgan- 'жалеть, скупиться'~тув. kïrzan- 'бережно (экономно) расходовать' [9, с. 277].

(19) AT qoŋuz 'жук', алт. komïs~якут. χomurduos, χoŋurduos то же (при отсутствии прямого рефлекса *qoŋuz) [7, с. 62; 14, с. 281].

(20) AT oγuz название племени и объединения племен~AT oγraq название одного из тюркских племен (с диминутивным суффиксом, как в oγul 'сын'→oγlaq 'козленок'). Менее вероятно, что oγraq следует соотносить с булгарским этнонимом oγur (=тюрк. oγuz).

(21) AT sez- 'чувствовать, замечать, ощущать, обнаруживать', sezik- 'предполагать, сомневаться'~куман. sergek 'бдительный', узб. sergak, тат. sirgäk и, наряду с этим, чаг. sezgek 'умный, понятливый' [4, с. 87; 7, с. 63; 14, с. 412, 413]. С учетом чагатайской формы и принимая во внимание наличие AT -γaq/-gäk как суффикса прилагательных харак-

терного действия [13, с. xliv] представляется необязательной трактовка sergek как монголизма, принятая в [13, с. 850; 14, с. 413], ср. п.-монг. sergeg 'чуткий, бдительный', serge- 'взбодриться, прийти в себя'.

(22) Алт. sïs/sïz- 'боль', AT sïzla- 'болеть, ныть, ломить'~каз. sïrqat 'болезнь', кирг. sïrkō то же, sïrka- 'хворать' [7, с. 63].

(23) AT täŋiz 'море'~AT täŋri 'небо, бог', täŋirkän 'священнослужитель у тюрок-немусульман'. Фонетическим обоснованием этой новой этимологии тюркского теонима, неоднократно обсуждавшегося в этимологической литературе, служит формулируемое в данной статье правило чередования z~r. Чрезвычайно важную семантическую аналогию дают монгольские языки, ср. п.-монг. dalai 'море' и 'великий, вселенский, верховный'.

(24) AT tiz 'колено'~AT tirsäk 'локоть' [7, с. 64—65].

(25) Кирг. tïgïz 'крепкий, плотный', ног. tïγïz 'плотный; тугой, тесный, коренастый', туркм. dïkïz 'плотный, набитый, сжатый; упитанный, кряжистый'~кирг. tïgïrčïk 'низкого роста и плотный, коренастый', AT tïγra- 'становиться сильным, крепким', tïγraq 'сильный, крепкий', тат. tïgrïq 'узкий проход, теснина' (→'тесный, сжатый'), башк. tïγrïq то же [7, с. 64; 14, с. 477—478; с. 339—340; 25, с. 161].

~~(26) AT~~ toquz, toγuz 'девять', toquzïnč, toγuzïnč, toquzunč 'девятый', тур. dokuz 'девять'~ст.-осм., тур. диал. tokurçın, dokurcun, dokurçın, dokurcun 'игра типа шахмат с девятью шашками' [7, с. 65].

~~(26) AT toquz, toγuz 'девять', toquzïnč, toγuzïnč, toquzunč 'девятый',~~ suγ 'завещание' [7, с. 71]. Дж. Клосон и в данном случае вводит конъектуру, рассматривая tutruγ как результат описки вместо tutsuγ (*tutzuγ) — нормального деривата от tutuz- [13, с. 459, 460]. Можно, впрочем, допускать, что базой деривации для tutruγ послужило не tutuz-, а tuturпараллельная форма каузатива к tut- 'держать').

Точно такое же соотношение *z*-овых и *r*-овых альтернантов дают многие другие примеры, цитируемые в работах Т. Текина [7, с. 59—65, №№ 5, 8, 10, 11, 12, 13, 17, 19, 20, 23, 25, 26, 32, 35; 9, с. 277—279; 10, с. 126—128] и Р. Г. Ахметьянова [11, с. 66—67]. Материал, собранный этими исследователями, автор настоящей статьи счел целесообразным пополнить лишь несколькими новыми примерами (см. выше 9, 20, 23), хотя в действительности варианты, содержащие *r* в составе консонантных сочетаний, можно отыскать для значительной части общетюркских корней, в которых представлен ауслаутный или интервокальный *z*.

Для проверки вывода о том, что *r* выступает в роли «заместителя» *z* в составе консонантных сочетаний, нами было проведено фонотактическое обследование материала архаических тюркских диалектов; был охвачен материал «Древнетюркского словаря» [12], дополненный с помощью весьма удобного для целей фонотактических исследований указателя А. Рона-Таша к словарю Дж. Клосона [26].

Налицо существенные дистрибутивные ограничения на употребление *z* в составе консонантных сочетаний. Достаточно широко представлены только группы *zl* и *zγ/zg* (как правило, разделенные границей морфем, но изредка и в составе основ, синхронно нечленимых или имеющих затемненное членение): aγïzla- 'прокопать выводную борозду' (: aγïz 'рот, устье'), bozla- 'реветь, кричать (о верблюде)', izlik 'чувяки из кожи' (: īz 'след'?); azγan 'терновник' (: azïγ 'клык, зуб'), azγïr 'свирепый' (: āz- 'сбиваться с пути'?), özgä 'иной' (:ö:z 'сам'), qazγan- 'приобретать, добывать' (: qaz- 'рыть'?), quzγun 'ворон' и под. — примеров на эти группы насчитывается много десятков. Сочетания *z* с другими последующими согласными (кроме *l* и *γ/g*), а также любые консонантные группы с *z*

в качестве второго компонента, встречаются значительно реже и только в определенных разрядах лексики. Подобные сочетания содержат в себе:

А. Формы словоизменения и дериваты, образованные по продуктивным моделям и сохраняющие прозрачную связь с мотивирующей основой: azmïš 'заблудший', bedizči 'резчик по дереву', bizdä, bizkä, bizni, biznŋ (падежные формы к biz 'мы'), buzmaq 'расстройство, нарушение', čiztür- 'заставить чертить', etüztäki 'находящийся в теле', jazqï 'весенний', jazsa- 'хотеть развязать', közsüz 'слепой', özkän 'преданный, свой', tüzdäm 'ровный, гладкий' и под.

Б. Новейшие (по отношению к рассматриваемому периоду) заимствования, нередко не адаптированные даже на уровне графики—согдийские: anχγvzn 'зодиак', azn d 'притча', Äzrua Зерван (теоним), nizvanï 'страсть', Xormuzta Ормузд (теоним), zmrun 'смирна, мирра' (в конечном счете из греч. σμυρνα), Zrušč Заратуштра, zmuγtuγ roč '28-й день месяца в согдийском календаре'; среднеперсидские и другие иранские: arzu 'желание, стремление', avzuri 'кушанье из смеси пшеничной и ячменной муки' (вместо avruzi из перс. afrūsa[13, с. 15]), jazd 'бог', Jazdigard (имя собственное), manastar χïrz-a 'прости мои прегрешения', Özčänd и Özkänd (топонимы), qaznaq 'казна' (в конечном счете из араб.; AT qïznaq 'казна' является, по-видимому, результатом народно-этимологического сближения с qïz 'дорогой, драгоценный'); арабские: 'arz et- 'предлагать', 'azzä vä ǯällä 'велик он и славен', mänzil 'жилище', mu'azzim 'колдун', til lafz 'слово, речь', 'uzr 'извинение'; монгольские: azman 'кастрированный баран' [14, с. 33]; китайские: čavzu 'род акации', kenzi 'цветная ткань китайского производства', šunzï 'вошь, блоха'; санскритские: drzul 'трезубец' (видимо, через согдийский). К этой же категории следует отнести несколько слов, для которых этимологические словари предполагают иноязычный источник, хотя и затрудняются его указать: banzï 'остатки винограда на лозах', küzkünäk 'вид птицы', küzküni 'сверчок', laγzïn, laqzïn 'свинья', öŋzin, öŋžin 'злой дух', zäränzä 'сафлор красильный'.

В. Слова, в которых произошла поздняя синкопа гласного и которые нередко сосуществуют в качестве вариантов (диалектных?) с нестяженными формами: aγzan-, aγïzan- 'говорить' (: aγïz 'рот'), közŋü, közgü, közüŋü 'зеркало' (: közün- 'виднеться'), meŋzä- 'быть похожим' и meŋzät-, meŋizät- 'уподоблять' (: meŋiz 'облик'), toqsïnč, toqsunč (*qs*<**qz*), toquzïnč 'девятый' (: toquz 'девять'). К этой же группе следует, несомненно, отнести засвидетельствованное только у Махмуда Кашгарского и только в одном варианте közmän 'хлеб, выпеченный в горячей золе': данное слово естественнее непосредственно связывать с közä- 'помешивать угли', а не с köz 'горящие угли' (ср. [13, с. 761]) и предполагать незафиксированный первичный вариант *közämän. Кроме того, к meŋzä- (см. выше) примыкает образованное по аналогии с ним jaŋza- 'быть похожим' (от китаизма jaŋ 'форма, облик').

Г. Словосложения: öztik-, östik- 'стремиться' (ö:z 'сам, свой'+tik- 'устанавливать, ставить', см. 13, с. 243), tözkär- 'постигать' (tö:z основа'+тот же элемент, что и в köŋül kär- 'разжалобить, понять, уразуметь' от köŋül 'сердце', köküz kär- 'гордиться' от köküz 'грудь', tüpkär- 'постигать' от tü:p 'дно', см. [12, с. 300, 313, 316, 583, 598; 13, с. 735]; полностью ошибочна этимология tözkär- в [13, с. 574—575]).

Д. Формы с метатезой: tegzin- 'вращаться, кружиться' (и дериваты) наряду с tezgin- (с 'допустимым' сочетанием *zg*).

Е. Несколько слов, в которых сочетания с *z* можно предположительно объяснять либо поздней синкопой гласного, как в группе В, либо вторичной аналогией с производящей основой, как в рассмотренных ра-

нее примерах вариативности типа (1) boγurdaq~boγuzdaq, (2) irdä-~izdä- и т. д.: közkiš- 'встречаться, видеться' (: közük- 'смотреть'), köznäk 'отражение' (: közün- 'виднеться'), öznä- 'возражать, перечить' (: özän 'центр'? Суффикс *-na-/-nä-*, с помощью которого это слово могло бы быть образовано непосредственно от *ö:z*, неизвестен), sïγza- 'вставлять, вшивать' (: *sïγïz 'вставка'; не исключено, что «недостающим» *r*-овым вариантом к этой основе является AT sïγra 'широкое ущелье между двумя горами', sïγraq 'промежуток между двумя пальцами', ср. [13, с. 815]), terzä-, tepsä- 'завидовать' (: tepiz 'зависть'), tizmä 'гашник, завязка' (: tiz- 'нанизать', tütsük (*ts*<**tz*) 'благовония' (: tütüz- 'воскурять'), üzmälä- 'искоренять' (: üz- 'вырывать').

Ж. Несколько слов, оценивающихся как искаженные в написании: tapzuγuq вместо tapuzγuq (с «допустимым» сочетанием *zγ*) 'загадка', jaŋzat- вместо jaŋrat- 'сболтнуть, проговориться', qïzqan- вместо qïzγan- 'скупиться'; qïzqïl вместо qïzγïl 'красный', см. конъектуры Дж. Клосона [13, с. 448, 667, 682, 953].

З. Вне всех перечисленных групп остаются только два слова с неясными этимологиями: jeznä 'муж старшей сестры' и ömzük 'лука седла'.

Таким образом, случаи типа (1)—(27) и примеры, рассмотренные в группах А-З, оказываются в распределении, близком к дополнительному. Сочетания *rC* и *Cr* на месте «ожидаемых» *zC* и *Cz* обнаруживаются в исконно тюркских словах, утративших прозрачную связь с производящей основой или по меньшей мере приобретших значительную независимость от нее. Если подобные сочетания возникли вследствие синкопы второго слова (как в примерах 1, 3, 5, 8, 12, ? 14, 16, 17, 20, 23, 25, 27), то данную синкопу — судя по отсутствию нестяженных вариантов в AT материалах — можно признать весьма ранней (более того, допустимо предположить даже вторичность узкого гласного в «несинкопированных» формах). Противоположная во всех отношениях картина наблюдается в словах, где «ожидаемые» сочетания *zC* и *Cz* действительно представлены, из чего можно заключить, что более архаичная ситуация отражена в случаях типа (1)—(27). Совершенно очевидно, что в период, засвидетельствованный древнетюркскими памятниками, и тем более в тюркских языках позднейших эпох чередование *z*~*r* уже было мертвым, закрепившимся только за определенными лексемами. Видимо, и в более раннюю (дописьменную) эпоху данное чередование должно было наталкиваться на мощное противодействие сил аналогии, с чем и связано наличие значительного количества дублетных форм, восстановивших *z* (или в соседстве с шумным глухим согласным—*s*) в составе консонантных сочетаний (как в примерах 2, 7, 9, 15, 21, 27, а также, возможно, в части примеров из группы Е). Кроме того, следует признать, что в некоторых сочетаниях употребление *r* изначально могло иметь менее облигаторный характер — это, в первую очередь, сочетания с *l* (примеров на *rl* вместо «ожидаемого» *zl* нет вообще, что вполне естественно, если учитывать артикуляционную сложность подобного сочетания двух плавных), с *γ*/*g* (выступает *rγ* вместо «ожидаемого» *zγ* в примерах 7 и 17—ср. упоминавшиеся выше многочисленные случаи вполне устойчивых сочетаний *zγ* и *zg*), а также, в меньшей мере, сочетания с носовыми и велярными/увулярными согласными. Возможно, запреты на сочетания того или иного типа отсутствовали в части ранних пратюркских диалектов (мы не располагаем материалом для твердых выводов по этому вопросу), что и отразилось в сосуществовании вариантов.

Чередования типа qi:z 'девушка'~qïrqïn 'невольница', köküz 'грудь'~kökräk то же при наличии запретов или, во всяком случае, существенных (для ранней пратюркской эпохи) ограничений на фонетические

структуры *qïzqïn и *kökzäk могут быть интерпретированы одним единственным образом. В качестве исходных праформ следует реконструировать пары **qï:X—*qïXqïn, *köküX—kökXäk[2] и постулировать для *X следующие правила развития:

**X*→*r* в составе (большинства) консонантных сочетаний;

**X*→*z* в остальных положениях (интервокальное, ауслаутное). Анлаутный **X* не реконструируется.

Эти правила позволяют судить об исходном фонетическом качестве **X*, опираясь на типологию диахронических фонетических изменений.

Если предположить, что **X*=*z* (такова позиция тюркологов, считающих *z* первичным), то придется признать, что тюркский праязык испытал ротацизм, который не затронул *z* в интервокальном и ауслаутном положениях, но воздействовал на *z* в составе консонантных сочетаний, в частности и в особенности—сочетаний с глухими шумными согласными. Однако факты истории многих языков, которым был известен переход *z*>*r*, свидетельствуют о том, что ротацизму бывает подвержен в первую очередь интервокальный *z*, тогда как в составе сочетаний *z* (или *s*) проявляет бóльшую устойчивость; естественный характер такого (но никак не противоположного по своим условиям) развития имеет и артикуляторно-фонетические обоснования. См. подробный анализ явления ротацизма в книге Б. А. Серебренникова [27, с. 148—149][3]. Типологическая беспрецедентность ротацизма, ограниченного консонантными сочетаниями, и делает невозможной трактовку **X* как *z*[4].

Еще сложнее обстоит дело с интерпретацией **X* как *s* в соответствии с излагавшейся выше гипотезой А. М. Щербака. Из отождествления **X*=*s* следует цепочка развития *qï:sqïn>*qï:Zqïn/*qi:zqïn>qïrqïn и т. п., иными словами, «ротацизму» предшествует ослабление и озвончение *s* в соседстве с глухим согласным! Поверить в реальность такого развития и, следовательно, такой фонетической реконструкции трудно.

Отождествление **X* с *r* исключается, поскольку в интервокальном и ауслаутном положениях рефлексы **X* и **r* контрастируют, ср. qāz 'гусь': qār 'снег', azïγ 'клык, зуб': arïγ 'чистый'.

Можно выдвинуть еще несколько версий относительно фонетической природы **X*, но большинство из них не приблизят нас к получению типологически правдоподобной картины фонетического развития. Например, при **X*=δ или *X*=ð возникают примерно те же трудности, что и при отождествлении **X* с *z* или с *s*.

Единственной версией, убедительной во всех отношениях для фонетического обоснования сформулированных правил, является предложенная Г. Рамстедтом и заключающаяся в том, что **X* — вибрант, отличный от обычного *r*, например, палатальный *ŕ* или ретрофлексный *r*. Именно для звуков такого типа вполне естественны, засвидетельствованы во многих языках как сибилянтизация в интервокальном положении, так и тенденция к совпадению с обычным *r* (или, во всяком случае, к отсутствию сибилянтизации) в составе консонантных сочетаний, то есть в позиции, которая вообще способствует нейтрализации фонологических проти-

---

[2] Чтобы объяснить отсутствие гласного в kökräk, для еще более раннего состояния нужно реконструировать *köküX—*köküXäk или *kökX(-)—*kökXäk.

[3] Б. А. Серебренников считает общетюркский *z* первичным, а булгарский *r*—результатом ротацизма, исходя из того, что развитие *z*>*r* в языках мира наблюдается в целом чаще, чем *r*>*z*.

[4] Разумеется, в том случае, если кому-либо удастся отыскать другой пример такого несколько необычного развития, то автор статьи готов признать свои возражения против отождествления **X* с *z* несостоятельными.

вопоставлений близких по качеству согласных. Так, при действии в западнославянских языках общего правила *ŕ>польск. *rz* [ž], чешск. *r* отдельные отступления от этого правила связаны с вхождением *ŕ в кластеры, ср. *sŕ, *zŕ>польск. *śr, źr* [28, с. 53; 29] и чешское чередование типа stařec ~ starče [30, с. 170—174]. В тамильском языке *r*, r (альвеолярный) и *r* (ретрофлексный) противопоставлены в интервокальной позиции, но в сочетаниях (в препозиции фрикативному) встречается только *r* [31, с. 29]. Положением между гласными был ограничен процесс перехода *r>z*, охвативший в XIII—XVI веках ряд северофранцузских патуа и оставивший отдельные следы типа дублетов chaire 'кафедра': chaise 'стул' в литературном языке [32, с. 144—145, 178].

Таким образом, использование данных одних только тюркских языков (без булгарских) приводит к прямому подтверждению реконструкции вибранта $*r_2$, принятой у Н. Поппе [33, с. 80] и в ряде других алтаистических работ. По-видимому, нет никаких бесспорных указаний на то, что $*r_2$ отличался от *r именно палатальностью, а не каким-либо иным фонетическим признаком.

Рассмотренное правило нейтрализации противопоставления $*r_2$:*r в составе большинства консонантных сочетаний позволяет объяснить происхождение еще одного довольно частого типа случаев с чередованием *z~r*, представленного как в древнетюркском, так и во многих современных тюркских языках. Речь идет о чередовании *z~r* в ауслауте глагольных основ. Хорошо известны такие яркие примеры данного чередования, как дублетность тюркских *ār- и *āz- 'худеть', *bür- и *büz- 'делать складки, сморщивать, стягивать', *kör-ün- и *köz-ün- 'показываться, виднеться', см., например, [15, с. 296; 16, с. 161; 17, с. 61]. Т. Текин отметил и ряд других тождественных или близких по значению пар этого типа, ср. AT āz- 'сбиваться с пути, заблуждаться, совращаться' и ār- 'обманывать, лгать, соблазнять', тув. ar- dor- и кирг. az- toz- 'худеть', туркм. jor- и азерб. joz- 'толковать, переводить' [9, с. 279—280]. Особенно распространена дублетность *r*-овых и *z*-овых форм у суффиксов каузативных и транзитивизированных глаголов, ср. AT bildür- и bildüz- 'сообщать' (: bil- 'знать'), чаг. tegür- и tegüz- 'доводить, доставлять' (: teg- 'достигать'), узб. čiqar- и čiqaz- 'выводить, вынимать' (: čiq- 'выходить') и т. д.

Следует предполагать, что исходным в случаях этого рода был $*r_2$ в ауслауте основы. В значительной части форм глагольной парадигмы этот согласный оказывался в преконсонантной позиции и в соответствии с общим правилом превращался в *r. Таким образом, парадигма $*ār_2$- 'худеть' включала целый ряд форм с алломорфом основы *ār- (*ārdī 'он похудел', *ārmadī 'он не похудел', *ārsun 'пусть он худеет' и т. д.). Результатом обобщения этого алломорфа и явился вторичный вариант *ār-, в то время как вариант *āz- является прямым продолжением основного варианта $*ār_2$-.

Учет этого механизма, дополняющего сформулированное ранее правило, позволяет объяснить огромное большинство случаев внутритюркского чередования *z~r*, приводившихся Т. Текином, Р. Г. Ахметьяновым и другими исследователями. Лишь в единичных случаях истоки такого чередования можно связывать с какими-то иными причинами, среди которых наибольшего внимания заслуживает возможность суффиксации, обусловившей превращение *r в $*r_2$—так, по гипотезе Г. Дёрфера, köz 'глаз' является дериватом от kör- 'видеть' и восходит к праформе *körjz, что позволяет, видимо, объяснить или приблизиться к объяснению аномального сибилянта в чув. kuš 'глаз' [34, с. 33—37; 35]. Для *r*-овых

форм, отмеченных лишь в отдельных тюркских языках Поволжья и Северного Кавказа в соответствии с общетюркскими *z*-овыми формами, можно допускать заимствование из булгарского источника. Следует, наконец, упомянуть, что часть приводившихся примеров с чередованием *z~r* основывается на неточной или ошибочной этимологизации. Так, каз. qïmïran, кирг. kïm(ï)ran 'кипяченое молоко, разбавленное водой' при AT qïmïz 'кумыс' [7, с. 61] является монголизмом, ср. п.-монг. kimuraγan, калм. kimrān, см. [14, с. 264]. Тур. barış 'мир, соглашение' вряд ли может быть сопоставлено с AT baz qïl- 'усмирить, замирить', крым.-тат., кар. baz 'мир', поскольку турецкая и другие огузские формы или отражают вторичное семантическое развитие AT barïš- 'ходить друг к другу, поддерживать тесные отношения' [13, с. 369; 14, с. 62], или восходят к иноязычному источнику, ср.-согд. βr'z- 'заключать соглашение, договор', βr'z 'перемирие, мир' [15, с. 73—74]. Цитируемое Р. Г. Ахметьяновым [11, с. 67] др.-тюрк. рун. *мэңэр-э-* 'ликовать' (отсутствует в [12] и [13]; вероятно, должно быть mäŋilä-) следует связывать не с mäŋiz 'лицо', а с mäŋi 'веселье, радость'. Можно предположить, что эти и некоторые другие этимологические неточности, наряду с несовершенной систематизацией материала, помешали Т. Текину и Р. Г. Ахметьянову сделать более четкие историко-фонетические выводы из привлеченных ими данных.

В заключение настоящей статьи уместно в предварительном порядке заметить, что и среди случаев с древнетюркским чередованием *l~š* значительную долю составляют примеры, когда альтернант *l* встречается либо в сочетаниях с другим, особенно шумным, согласным, либо в качестве ауслаутного согласного в одном из двух вариантов глагольной основы:

AT taš 'внешний, наружный, внешняя, наружная сторона', tašu- 'выгонять', tašqar- 'удалять, устранять, отправлять' ~ AT talqï- 'отвергать, откладывать, отбрасывать';

AT teš- и tel- 'продырявливать' (откуда то же чередование в дериватах: AT tešük и telik 'дыра, отверстие').

Тем не менее имеющийся материал (коллекция случаев с *l~š* у Т. Текина значительно беднее, чем для *r~z*, что, видимо, объективно отражает существующее положение) не дает оснований утверждать, что пути формирования чередований *r~z* и *l~š* полностью совпадали. Сочетания типа *šC* и *Cš*, не заменяющиеся на *lC* и *Cl*, встречаются в AT материале достаточно часто. Кроме того, при объяснении значительной части примеров с чередованием *l~š* следует учитывать возможность развития тюркского *š* из групп согласных **lč*, **lǯ* [7, с. 79—80; 10, с. 130—132; 33, с. 86], **lb* [36], **lg*[5]. Поэтому возможны случаи, когда *l* первичен, а чередующийся с ним *š* фактически представляет собой сращение корневого *l* с начальным согласным суффикса.

С другой стороны, в литературе неоднократно и вполне справедливо отмечалось, что решения дилемм «ротацизма-зетацизма» и «ламбдаизма-сигматизма» неотделимы друг от друга, поэтому—вне зависимости от различий в деталях — первичность вибранта $*r_2$ по отношению к тюрк. *z* предполагает первичность латерального $*l_2$ по отношению к тюрк. *š*.

---

[5] На представительную группу этимологий, содержащих тунг.-маньчж. **lg* в соответствии с тюрк. *š*, указала А. В. Дыбо (устное сообщение). Автор пользуется случаем поблагодарить ее за ряд ценных замечаний по материалу данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *А. М. Щербак.* Оностратических исследованиях с позиций тюрколога. — «Вопросы языкознания», 1984, № 6, стр. 30—42.
2. *А. М. Щербак.* О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. — «Вопросы языкознания», 1966, № 3, стр. 21—35.
3. *G. J. Ramstedt.* Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen. — JSFOu, 1922—1923, XXXVIII, стр. 26—32.
4. *А. М. Щербак.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
5. *G. Doerfer.* Bemerkungen zur Methodik der türkischen Lautlehre.—«Orientalistische Literaturzeitung», 1971, 66. Jg., 7/8, стр. 325—344.
6. *N. Poppe.* Rev. of [4].—«Linguistics», 1973, Nr. 100, стр. 97—101.
7. *T. Tekin.* Zetacism and Sigmatism in Proto-Turkic. — «Acta Orientalia Hung.», 1969, XXII, 1, стр. 51—80.
8. *A. C. Emre.* Türk lehçelerinin mukayeseli grameri (ilk deneme). Birinci kitap—Fonetik. Istanbul, 1949.
9. *T. Tekin.* Further Evidence for «Zetacism» and «Sigmatism». — In: «Researches in Altaic Languages», Budapest, 1975, стр. 275—284.
10. *T. Tekin.* Once More Zetacism and Sigmatism. — CAJ, 1979, XXIII, 1—2, стр. 118—137.
11. *Р. Г. Ахметьянов.* Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. М., 1978.
12. «Древнетюркский словарь», Л., 1969.
13. *G. Clauson.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford, 1972.
14. *M. Räsänen.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
15. *Э. В. Севортян.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б»). М., 1978.
16. *Э. В. Севортян.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
17. *Э. В. Севортян.* Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г», и «Д»). М., 1980.
18. *В. М. Иллич-Свитыч.* Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семито-хамитский).—В кн.: «Этимология. 1965», М., 1967, стр. 321—373.
19. *В. М. Иллич-Свитыч.* Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь (b—k). М., 1971.
20. *Г. В. Юсупов.* Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.—Л., 1960.
21. *В. Г. Егоров.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
22. *A. Róna-Tas.* Tocharische Elemente in den altaischen Sprachen? — In: «Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker». Berlin, 1974, стр. 499—504.
23. *G. J. Ramstedt.* Studies in Korean Etymology. Helsinki, 1949.
24. *В. И. Рассадин.* Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971.
25. *A. Róna-Tas.* The Periodization and Sources of Chuvash Linguistic History.—In: «Chuvash Studies», Budapest, 1982, стр. 113—169.
26. *G. Clauson.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Index. Vol. I—II. With a Preface by A. Róna-Tas. Szeged, 1981.
27. *Б. А. Серебренников.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
28. *Z. Klemensiewicz.* Historia języka polskiego. Warszawa, 1974.
29. *W. Śmiech.* Rozwój historyczny polskich grup spólgloskowych **sŕ, *źŕ, *žŕ.* Lódź, 1953.
30. *O. Hujer.* Příspěvky k historii a dialektologii českého jazyka. Praha, 1961.
31. *М. С. Андронов.* Грамматика тамильского языка. М., 1966.
32. *М. В. Сергиевский.* История французского языка. М., 1938.
33. *N. Poppe.* Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. 1. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960.
34. *G. Doerfer.* Proto-Turkic: Reconstruction Problems.—«Türk dili araştırmaları yıllığı», Belleten, 1975—1976, стр. 1—59.
35. *G. Doerfer.* The Problem of Rhotacism/Zetacism.—CAJ, 1984, XXVIII, 1—2, стр. 36—42.
36. *J. Street.* PAlt **-l(V)b-* > Tu *š.*—CAJ, 1980, XXIV, 3—4, стр. 285—303.